

412	287-01	ВЕРА МЕРКУРЬЕВА	"Тёмная скиталица"	Часть 1 "Твоя Дама"
413	287-02	ВЕРА МЕРКУРЬЕВА	"Тёмная скиталица"	Часть 2 "Меж вымыслов"
414	287-03	ВЕРА МЕРКУРЬЕВА	"Тёмная скиталица"	Часть 3 "С песенной клюкой"

"Тёмная скиталица" (Коренбит – Меркурьева)

Часть 2 "Меж вымыслов"

1. Последний и первый раз – 1.27
2. Полоска света – 1.21
3. Нам только чудится – 1.50
4. Неразмыкаемые гробы – 1.47
5. Пробоина – 1.02
6. Нищая Москва – 1.30
7. На рынке – 1.41
8. По Арбату – 2.58
9. Зову своих – 1.27
10. Праздничный подарок – 1.37
11. Лишние огни – 2.13
12. Дай, я погадаю – 2.54
13. Край обрыва – 1.31
14. Подруге – 2.07
15. Лучинка – 1.56
16. Щедрость – 1.14
17. Не знаете вы – 1.09
18. Поэту – 1.31
19. Бездомные песни – 2.23
20. Меж вымыслов – 2.17
21. Мной растопленные сердца – 1.41
22. Свёрточек бумажный – 1.25
23. Круженья лишнего спираль – 1.51
24. Летний отдых – 2.25
25. Из больницы – домой – 1.16
26. Дамы и Рыцари – 1.57
27. Старый новый год – 1.34
28. Смычка холода и любви – 1.51

Общее время звучания – 50.09

Общее время звучания – 148.07

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 2 "Меж вымыслов"

1. Последний и первый раз

Капитан, сыпаящий золото
 В зелёную дрожь пруда.
 Ревниво память уколота:
 Такой же, как тот – тогда.

Мучительно разрешается
 Сожжённых губ немота,
 И песня смолой скипается,
 Такая ж, как та – тогда.

Глаза под ресницы спрячет он –
Затмится, взойдя, звезда –
И сердце зажимом схвачено
Тоски – такой, как тогда.

Неправда. Не повторяется
Ни лист, ни любовь, ни сказ,
И всё, что с нами сбывается –
Свершается в первый раз.

И если солнце померкнуло
При свете вот этих глаз –
Мы жизнь разобьём, как зеркало,
В последний — и в первый раз.
31.VIII.1927

2. Полоска света

Вот только это и было –
Полоска света под дверью.
Гляжу и глазам не верю,
Сама же я дверь закрыла.

За дверью – тайное имя,
Моё бессонное горе.
Ему я молюсь в затворе,
Ему я служу во схиме.

К холодному изголовью
Прижмусь – одно остаётся.
Должно быть, это зовётся
В романах – вечной любовью.

Прости моему неверью.
Я чуда ждала — свершилось.
Ведь было же это, было –
Светившееся за дверью.
8.IX.1917

3. Нам только чудится

О, эти дети, нами не рождённые,
И эти песни, нами не пропетые –
Тоскующие, жадные, бессонные –
Была мечта, была любовь, и нет её.

Глаза, от взгляда в робком уклонении,
Неподнятые руки для объятия.
Мир, новый мир у мига появления –
И спрятанный боязнью неприятия.

Взглянуть бы – как? помимо очевидности,
Сказать бы – что? простое, как дыхание –
И станет всё такою негой слитности,

Что жаль и страшно потерять сознание.

Душа мечты, измаянной скитанием,
Мечта любви, потерянная странница,
Зовём тебя великим заклинанием:
Что быть могло, и не было – да станется.

Да сдвинется, да сблизится, да сбудется.
Хотим и ждём не явленного, тайного.
А если это всё — нам только чудится,
И нет иного — кроме обычного?
1919. Москва

4. Неразмыкаемые гробы

Снег снисходительный и добрый,
Повязкой чистою облёк он
Балконов сломанные рёбра,
Глазницы выбитые окон.

Нисшёл холодной благостыней
На обожжённые карнизы,
На – славы купола доныне
В грязи размётанные – ризы.

О, эти жалкие увечья
И эти горестные раны –
Несчетнолики зла предтечи
И звенья зла несметногранны.

Прошли – проклятие и ужас,
Остались – ужас и проклятье.
Окрест земли – туга и стужа
Сплелися в смертное объятье.

О, больше снега, больше снега —
Пускай укроют нас сугробы
От угрожающего неба
В неразмыкаемые гробы.
7.XI.1917

5. Пробоина

Пробоина – в Успенском соборе,
Пробоина – в Московском Кремле.
Пробоина – крошечное горе –
Пробоина – в сражённой земле.

Пробоина – раздор на раздоре –
Пробоина – течь на корабле.
Пробоина – погромное море –
Пробоина – огромно во мгле.

Пробоина – брошенные дома –

Пробоина – братская могила –
Пробоина – сдвиг земной оси.
Пробоина – где мы в ней и что мы?
Пробоина – бездна поглотила –
Пробоина – нет вся Русь!
11.XI.1917

6. Нищая Москва

Хроменькая, ноженьки не крепки –
До Святой Земли не донесли?
– Что ж, когда порублены на щепки
Все мои заборы-костыли. –

Слепенькая, бродит – не приметит,
Как заносит снегом по плеча?
– Что ж, когда не смотрят и не светят
Окна, мои очи по ночам. –

Клонится к земле, бессильно плача.
Сбитая седая голова.
Ты ли это, старая богачка,
Нищая Москваюшка, Москва?
1927

7. На рынке

На рынке на Смоленском
Пройдуся по рядам,
Купилам деревенским
Недорого продам.

А ну, поройся в хламе:
Для парня-простеца
Есть цепь с часами – память
Покойника-отца.

А ну, потешь сердечко:
Для сватанных невест
Есть братнее колечко,
Есть материнский крест.

Отдам ни за полушку,
Для легкия руки,
Из-под голов подушку,
С ноги да башмачки.

А ну, глаза приблизи:
Иконка хоть куда.
А вот – спаситель в ризе,
А вот – кому продам?

Не надобно. Нет дела
До нас ни здесь, ни там.

А вот – живое тело,
А вот – кому продам?

На нас не смотрят с неба,
Давай, что ни на есть:
Одну горбушку хлеба
За всю девичью честь.

Пойду с пустой сумою
Я с рынка налегке.
А стыд – а стыд омою
По глубь в Москва-реке.
1926

8. По Арбату

По Арбату, по Арбату ходит ветер.
Над Арбатом, над Арбатом никнет вечер,
По-за стёклами, при сумеречном свете
Зажигаются заплаканные свечи.

Подойти – пойти – послушать под стенами:
Что поманится, то станется над нами.
То не меди колокольной слышны звоны –
Это сердцу больно, сердце стоном стонет,

Не в лесу к земле деревья ветер клонит –
Наши головы гнёт горе под иконы.
На Арбате, у Явленного Николы
Жгут лампы, чтут кануны на престолы.

Ты приди, душа, ты стань у царской двери,
Изойди, тоска, слезами за вечерней.
Помолись, любовь, о гаснущей о вере,
О земном её пути гвоздей и терний.

У Николы бархатами кроют сени,
У Явленного коврами бьют ступени.
Ты пойдя, душа, спроси, кого встречают,
Для кого там жгут елей и курят ладан?

На судьбу ли то, на царство ли венчают?
И Невеста ли, Царица ли то – чья там?
Слышишь? радость бьётся в сердце звучным ладом.
Видишь? радость смотрит в очи ясным взглядом.

Вся смиренная, как древняя черница,
Вся святая, как небесная Царица,
Вся простая – как дитя возвеселится –
Мать моя, земля моя, земля.

Дай к тебе нам, по тебе нам, мать, ступати
В час вечерний, на московском, на Арбате.

1927

9. Зову своих

Зову своих – но путь оснежен их,
А мой высок и крут порог.
Ах, в мире нет путей неезженных,
Никем не топтанных дорог.

Придите, прошенные, званые,
Мой весел пир, мой краток час.
Придите, брошенные, странные,
Я у порога встречу вас.

Жар-птичьим внемля звучным щебетам,
Усыплены в прозрачной мгле,
Вы позабудете о небе – там,
Где хорошо и на земле.

Я у окна стою, обрезжена
Лучом ущербного серпа.
Ко мне дорога не проезжена
И не протоптана тропа.
15.XII.1914

10. Праздничный подарок

В пушистой складки шали привольно завернётся,
Тому, что есть едва ли, безбольно усмехнётся,
По комнате холодной рассеянно пройдёт,
Подумает: — «а скоро и праздник настанет».

Ждёт девушка от друга, от барыни кухарка,
А мне-то от кого же на праздник ждать подарка?»

Пойдёт она и купит подарок дорогой –
Зимой – дремотный, белый, мечтательный левкой.
Накроет стол нарядно, цветок на стол поставит
И с праздником весёлым сама себя поздравит,
И, радостная, скажет, вдыхая сладкий дух:
«Благодарю за память, мой неразлучный друг».
II.1920

11. Лишние огни

Обессиленных рук перегиб уже не гибок –
От несметных пожатий, объятий кандалов.
И устали уста – от бесчисленных улыбок,
От раздельности слов, одинаковости слов.

Примелькались глазам лоскуточки имитаций –
Обветшалое вымыслом творчество само –
Световые эффекты небесных декораций,
Видовые картины земного кинемо.

Спят, остынув, сердца – и холодный сон глубок их,
И покоен их отдых от стольких поз и фраз,
От исканий, скитаний, страданий одиноких,
От трагических фарсов, от грима и гримас.

Притаились, притихли, замолкли и застыли –
В тишине, темноте, пустоте, навек одни.
Мировые метели в купели звёздной пыли
Затушили неверные, лишние огни.
17.1.1915

12. Дай, я погадаю

Дай руку, дай, я погадаю,
Дай непутём поворожу,
Всю правду-выдумку узнаю,
Неправду-истину скажу.

Смотри, идёт прямой и строгой
Твоя судьба через ладонь:
Земная ровная дорога,
Подземный трепет и огонь.

Ах, и тебя звезда чужая
К твоей гибели вела,
И ты без торга, не считая,
За песни душу отдала.

Смотри, любовью Аполлона
На жертву ты обречена.
И ты сойти в земное лоно
Кассандрой пленною должна.

Да что там греческие сказки,
Когда здесь русская судьба,
Когда нас корчит в лютой тряске
Лихая порча-ворожба,

Когда мы ведовским напевом
Снимаем нашепт вражьих чар
И отвечаем белым гневом
Иль вольным смехом на удар.

Ой, вспыхнут на тропах опасных
Блуждающие огоньки –
Как повстречаются две властных,
Две одинаковых руки.

Дай руку, дай – не на прощанье
И не на счастья обман,
А как бродяге подаянье –
Подай на долю, на талан.

1920. Москва

13. Край обрыва

За часом час, за годом год уносит
Разлуки неминучая река.
«Постой, постой» – тревожно сердце просит,
«За мной, за мной» – звучит издалека.

Всё меньше близких остаётся рядом.
Всё больше милых где-то впереди.
О, если бы увидеть зорким взглядом –
Кто на ближайшей стал очереди?

Чтоб знать, к кому прижаться на прощанье,
Кого в тоске не выпускать из рук –
Пока волна последнего молчанья
Не залила родного сердца стук.

Но край обрыва скрыт от нас цветами.
За ними – бег смывающей реки.
А мы идём и тратим, не считая,
Немногие останные деньки.
2.XII.1924

14. Подруге

Ушла. Давно ль? Уже четвертый год.
Вернётся ли? Наверное, и скоро.
На стол я ставлю чайный обиход:
две чашки, две тарелки, два прибора.

За каждым, кто займёт второй прибор,
слежу, как тень: похоже? непохоже?
и трёхголосен всякий разговор:
она б не так, она бы так же, то же.

Воспоминаний цепь, кольцо к кольцу,
нижу в чужих улыбке, взгляде, жесте –
так зверь домашний к новому лицу
доверчиво идёт на старом месте.

И поздним вечером, когда ни стук,
ни зов покоя не нарушит, знаю –
для запоздалых, для озябших рук
второй прибор я на ночь оставляю.

О память, память! в мира немоте
лишь ты внятна мне, требуя расплаты.
В твоих полях колосья зреют — те,
что сеяны любовью в час утраты.

Придёт пора – и ляжет сноп под цеп,
и, камнем смолот, соли пьёт раствор он.

И я на стол поставлю встречи хлеб
перед вторым – вновь занятым – прибором.
28.XII.1933

15. Лучинка

Лучинка, щепочка белая,
Занозистая, бескорая!
Вы, рученьки неумелые,
Лучину щипать не спорые.

Ножом-колуном по дереву,
Железным я по смолистому.
Раздайся, древное черево,
Ты брызни седыми искрами,

Зажгись, задымись угарами,
Лучинка, с конца обуглена.
Займись, моя песня ярая –
Надрубленная –

Разлейся хохотом-рокотом,
Огнями сверкни потешными –
И прочь пропади ты пропадом,
Как щепка, дотла истлевшая.

Лучинка сухая, дымная,
С огнём да с железом дружная.
Ты песня глухая, зимняя,
Безумью ряжена-сужена.
11.XI.1918

16. Щедрость

Каждый раз, себя приоткрывая,
Выдавая стих или мечту,
Я напрасно духов вызываю,
Тщетно заклинаю пустоту.

Между мной и, слушатели, вами
Есть река, но нет на ней моста.
Мнится вам звенящими словами
Песенная глухонемота.

Знаю всё. И всё же, и тем боле
К вам иду, без устали даря –
Оттого, что так на то изволит
Щедрость песнопевца и царя.
28.V.1922

17. Не знаете вы

Своей вы меня считаете?
Простой – как вода, как соль?
Не знаете вы, не знаете,

Какого я чина голь.

Приветливою, улыбчивой –
Я по милу хороша?
А нет заразы прилипчивей,
Чем эта моя душа.

Заботливою раделицей
Вы чаєте меня – да?
А я рождена Метелицей,
Погибелью повита.

Любовью неопикуемой
Дарю я на малый час —
И до неба вознесу я вас,
Чтоб о землю грянуть вас.
17.VIII.1931

18. Поэту

Бросают то в жар, то в озноб
Налёты весеннего ветра.
Ах, в них ли не чуют мне стоп
Старинного, точного метра.

А в белых спиралях берёз
Узнать не хитро и не мудро
Оснеженных кольца волос
Игры или времени пудрой.

Приходит он душу губить,
Былого соблазнами полнить,
И дразнит: попробуй забыть,
И шепчет: не пробуй припомнить.

А я полу-бред, полу-сон
Улыбкой тоски провожаю,
А я полу-смех, полу-стон
В изысканный стих наряжаю –

Как будто касаюся, меж
Дыханий прерывистых ветра,
Скользющего края одежд
Всегда уходящего мэтра.
IV.1920

19. Бездомные песни

Я пришла к поэтам со стихами –
Но они стихи слагали сами,
Было им не до моих, конечно,
И, спеша, они сказали: вечно.

Я к друзьям, кто так меня читали –

Но друзья продукты покупали,
А купить так дорого и трудно,
И, грустя, они сказали: чудно.

Я к чужим: примите и прочтите,
И поверьте вы, и полюбите.
Но чужие вежливы фатально,
И, шутя, сказали: гениально.

Где же быть вам, где вам быть уместней,
Бедные, бездомные вы песни?
Что ж у вас по целому по свету
Своего родного дома нету?

Спрячьтесь в землю, станьте там магнитом –
Но земля сокрыта под гранитом.
Сгиньте в небе молний мятежами –
Но закрыто небо этажами.

Я в окно вас, я вас ветру кину,
Вашему отцу и господину.
Внук Стрибожий веет, песни носит –
В чьё-нибудь он сердце их забросит.

Отзовётся чьё-то сердце эхом,
Отольётся чьей-то песне смехом.
А не знает, с кем смеётся вместе,
Как и мне о нём не чаять вести.
1925

20. Меж вымыслов

Меж вымыслов лирических косметик
Приманчивей, обманчивее нет
Той, под которой маленький поэт
Вдруг явится нам как большой поэт.

Скрывает благодетельная пудра
Шершавости, лоснистости грехи,
От критики утаивая мудро
Неловкие, неверные стихи.

Истёртое, истрёпанное слово
Неслышанным показывает вновь, –
Беспамятно, бессмертно... бестолково...
А имя той косметики — любовь.

Она, любовь – единая, простая,
От света к тьме блаженно низойдя,
Всё зная, всё терпя и всё прощая,
Бульжник в перл создания возводя...

И есть другое: смоем краски грима

Холодная и трезвая вода —
И глянет бледно, станет недвижимо
Что искрилось, мерцая, как звезда.

Посмертным удаляет омовеньем
Цветы и пятна, музыку и шум,
И жизни ложь являет правды тленьем
Безжалостный разоблачитель — ум.

Ну что ж, друзья! чему хотите — верьте,
А у меня безумие в крови —
Я не хочу правдивой прозы смерти,
Я — за обман стихов живой любви.

P.S.

Не приложить ли шифра ключ при этом,
Хотя его всяк знает про себя? —
Надеюсь, Вы меня большим поэтом
Считаете, безропотно любя.
12.V.1934

21. Мной растопленные сердца

Осинку — под корень топорами-рубилами,
Осинку — во скрежет многозубыми пилами,
Осинку — в машинку, на остренькие ножички,
В два миллиметра палочка, тоньше — ни крошечки.

Осинке головку ущемит злополучие —
Да в серу, да в фосфор, да в едкое, в горючее.
Где спички? надо примус, папиросу или печь,
Полоснут, и затопчут, и забудут — лишь зажечь.

Ах, стать бы мне спиченькой и, в муке упорствуя,
Зажечь сердца чужие, холодные, чёрствые!
Согласна быть срубленной, на части распиленной,
Пронизанной горя горючею извилиной,

Согласна быть смятой, раздавленной, загубленной,
Истоптанной, забытой, брошенной, нелюбленной,
Сверкнуть на миг — и погаснуть, не сгорев до конца,
Не узнав, как теплы мной растопленные сердца.

22. Свёрточек бумажный

С нежностью нагнусь я над мешком —
простеньким, пустым, бумажным.
Был он полон золотым зерном,
на простые деньги не продажным...

Редкому — на золото цена.
Редкая моя находка —
россыпь, да не денег, не зерна —
Сердца — золотого самородка.

И храню я бережно пустой
свёрточек бумажный —
память о привязанности той —
и не покупной, и не продажной.
15.I.1934

23. Круженья лишнего спираль

Замаскированных и ряженных
Несвязный круг, неровный шаг.
И не узнать, кем строй налажен их,
И кто там друг, и кто нам враг.

Случайно скованными парами
Обручены-обречены,
Своими чарами-кошмарами
С чужими снами сплетены.

И редко, редко, на мгновение —
Ни с кем не слитое звено —
Мелькнет непризнанного гения
Неузнанное домино.

И реже, реже, неприметная,
Никем не принятая вновь,
Неутолимо безответная.
Пройдёт Единая Любовь.

И вскрик, и взгляд, бесцельно брошенный,
Оплатит призрачную даль —
Теней немилых круг непрошенный,
Круженья лишнего спираль.
19.VIII.1915

24. Летний отдых

В вагоне жёстком ёжась на полатях,
Перипоэтик жалостно стонал:
— Я счастлив был, я был перележатик —
Зачем передвигатиком я стал?!

Праздношатающихся — ну их к льду! —
Зачем мне по музеям разводить,
Трепать язык часов двенадцать кряду —
Нет, мне перетрепатиком не быть!

Писателю писатель всё же братик —
В Дом Отдыха Писателя скорей!
Недоедатик и перепиватик
Там отдохнёт душою от скорбей! —

В вагоне тряском, каясь пред народом,
Переезжатик скорбно вопиял:

– Я счастлив был, я был ех-курсоводом,
Зачем на грех я домоседом стал?!

Вставать и спать ложиться по команде,
Гулять, и есть, и пить – по звонку –
Страшнее мук не описал и Данте
В своём девятом адовом кругу!

Домой, к себе! там отдых и природа
Небесная – двадцатый бельэтаж,
Лифт на замке, и полная свобода
Готовиться на высший пилотаж! —

Но дома страшный зверь перекусатик
Все зубы-когти так в него вонзал,
Что отдыхающий переписатик
Побрёл тихонько снова на вокзал.
23.V.1933

25. Из больницы – домой

Из больницы – скорей домой.
Хорошо меня дома встретят –
Угостят, поздравят, приветят.
И не царский то день – да мой.

Я живая, с вами, я здесь,
И дышу – пою и люблюсь.
Выбирайте песню любую –
С песней мир отдаётся весь.

Верно, я зашла не туда.
Где цветы, улыбки и ласки?
Ах, не лица – мёртвые маски,
Не слова – иголки льда.

Напоили — солью с водой,
Накормили – да горьким хлебом.
А светло так под синим небом,
А темно, темно под землей.
3.VII.1917

26. Дамы и Рыцари

Прежде рыцарь к славе Дамы,
Чтя устав её закона,
Жёг языческие храмы,
Поражал мечом дракона.

Ныне рыцарь тащит Даме
Дров вязанку – это шутки?! –
Ей уступит место в траме,
Станет в очередь на сутки.

Прежде Дама награждала
Свыше меры (in ducento): (*индуэценти – итальянский яз.*)
Из окна цветов роняла,
Меч повязывала лентой.

Ныне Дамина наградка –
О бесценная заботка! —
На протёртый локоть – латка,
На голодный зуб — селёдка.

Разве лик искусный скверен,
Хоть уродливая рама,
Если рыцарь так же верен
И прекрасна так же Дама?
12.V.1933

27. Старый новый год

Промчался Новый год к буйной встрече,
А мы отстали на тринадцать дней –
И по старинке правим, без огней,
Без шума и вина, Васильев вечер.

Смолистый жар из горла узкой печи,
У образов дрожание теней,
Звон ложечки о блюдечко слышней –
И жизнь проводить нам больше нечем.

Так. Правильно. Когда земли разброд
Вбирал живых в разверзнутые щели –
Ведь это наши косточки хрустели.
Теперь, с землею вместе, мы осели.

Свой новый дом строит новый род
На нас, на нас – в старый новый год.
1-14.I.1929

28. Смычка холода и любви

У камина такая нега,
Но не тоplen пустой очаг.
Вышла Дама белее снега
Постеречь запоздалый шаг.

Пусть бушует и воеет вьюга,
Пусть не видно ни зги вокруг –
Но подруга услышит друга,
Но увидит подругу друг.

– Госпожа, красоте довлеет
Горностаем плечи облечь. –
– Рыцарь, мех снеговой не греет
И не топлена в доме печь. –

– Вам печалиться, Дама, рано:
Я возьму пилу и топор –
Кто удержит мессир Бертрана
Распилить хозяйский забор? –

О, как ярко во тьме пылает
Разгорающийся камин!
Дыма струны перебирает,
Вторит пением паладин.

Он клянётся – живым иль мертвым,
Но являться на милый зов.
Столь к достойным приводит жертвам
Нас возвышенная любовь.

А хозяин зубами ляскай,
Но за кражу в суд не зови:
Это нынешняя увязка,
Смычка холода и любви.
25.I.1925